

Майнагашева Нина Семеновна

ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ МОТИВОВ И ОБРАЗОВ В ТВОРЧЕСТВЕ Л. АРБАЧАКОВОЙ И Г. КОСТОЧАКОВА

В статье рассмотрены этнокультурные мотивы, образы и сюжеты в творчестве шорских поэтов Г. В. Косточакова и Л. Н. Арбачаковой с целью выявления их функциональности. Также к данному анализу привлечена живопись Л. Арбачаковой. Выявлено, что наиболее часто встречающиеся ключевые слова-образы, концепты в поэтических произведениях шорских авторов способствуют передаче специфики этнокультуры и образа мира шорцев. Эти постоянные образы являются архетипами художественного мышления и составляют художественный код национальной культуры шорцев. Наряду с актуализацией архетипических образов современной шорской поэзии свойствен мотив истощения, вымирания, увядания, а также мотив потерянной райской земли.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/3-1/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 1. С. 30-38. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**SPY NOVEL BY JOHANNES MARIO SIMMEL
IN THE GERMAN LITERATURE OF “COLD WAR” PERIOD**

Lyatifova Lilya Islyamovna

*Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol
lilja@mail.ru*

The article is devoted to analyzing the spy novel by Johannes Mario Simmel in the German literature of “cold war” period. The author studies the genre dominant of J. M. Simmel’s spy novels, considers genre specificity of the spy novel of the middle of the XX century in the context of historical events, taking into account the fact of the writer’s participation in the activity of the German secret service. The paper shows that the spy novel genre was the most efficient to express the “cold war” ideology in the German and western literature. It was a period when literary consciousness began to form the image of an enemy, identified and broken down by the security service.

Key words and phrases: J. M. Simmel; genre; genre dominant; genre identification; spy novel; hero.

УДК 82.091

В статье рассмотрены этнокультурные мотивы, образы и сюжеты в творчестве шорских поэтов Г. В. Косточакова и Л. Н. Арбачаковой с целью выявления их функциональности. Также к данному анализу привлечена живопись Л. Арбачаковой. Выявлено, что наиболее часто встречающиеся ключевые слова-образы, концепты в поэтических произведениях шорских авторов способствуют передаче специфики этнокультуры и образа мира шорцев. Эти постоянные образы являются архетипами художественного мышления и составляют художественный код национальной культуры шорцев. Наряду с актуализацией архетипических образов современной шорской поэзии свойствен мотив истощения, вымирания, увядания, а также мотив потерянной райской земли.

Ключевые слова и фразы: национальный образ мира; Г. Косточаков; Л. Арбачакова; мифология; фольклор; шорцы; поэзия; образ; мотив.

Майнагашева Нина Семеновна, к. филол. н.

*Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, г. Абакан
Nina_71@inbox.ru*

**ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ФОЛЬКЛОРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ МОТИВОВ И ОБРАЗОВ
В ТВОРЧЕСТВЕ Л. АРБАЧАКОВОЙ И Г. КОСТОЧАКОВА**

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16-04-00332.

1990-е годы в культуре шорского народа, одного из тюркоязычных коренных народов Сибири, обозначились значительной активностью многих деятелей в области литературы, изобразительного искусства, книгоиздания. Национальная литература обогатилась именами молодых авторов, заявивших о себе как о ярких носителях национальной культуры. Г. Косточаков писал: «...90-е годы минувшего века прошли под знаком возрождения шорской литературы, которая несколько десятилетий до этого лежала “в руинах” и была уже почти забыта народом. Но вот появилась группа талантливых поэтов и прозаиков, которые вернули читателю неувыдаемый, как выяснилось, аромат шорского поэтического слова, освежили своим светом и энергией красоту древнейшей шорской культуры. Это поэты Н. Е. Бельчегешев, Г. В. Косточаков, Т. В. Тудегешева, Л. Н. Арбачакова, Л. И. Чульжанова, прозаики В. П. Борискин, В. А. Байлагашев и др. Вместе с тем вышли из небытия имена тех творцов, что прославили литературу шорского народа; речь идет о произведениях И. М. Штыгашева, Ф. С. Чиспиякова, С. С. Торбокова и С. С. Тотыша, большая часть которых была когда-то широко известна в Кузбассе» [15, с. 5].

В творчестве этих авторов прослеживается, прежде всего, актуализация проблем родного народа, его языка и традиционной культуры через прославление родной земли, родного пейзажа, быта шорца-горца, песни и верования народа, мифологические и фольклорные мотивы.

В современной шорской поэзии активно пишущие на родном языке авторы – поэты Любовь Никитовна Арбачакова и Геннадий Васильевич Косточаков. В литературе они заявили о себе в 1990-е годы. За это время каждый из них выпустил не один поэтический сборник. Г. В. Косточаков опубликовал сборники «Ала тагларым» («Высокие мои горы», 1994) [13], «Я последний шорский поэт» (2003) [16], «Ветка родимого кедра» (2013) [14], Л. Н. Арбачакова – «Онзас черим» («Тернии души», 2001) [2], «Колыбель любви» (2004) [1], «Песни шориянки» (2011) [3]. Косточаков и Арбачакова активно публикуются и в коллективных сборниках и местных и региональных газетах и журналах («Огни Кузбасса», «Сибирские огни» и др.), а также ряд их произведений можно найти на интернет-сайтах.

В своей статье мы ставим цель раскрыть специфику отражения национального образа мира шорцев в творчестве Г. В. Косточакова и Л. Н. Арбачаковой через анализ используемых в поэзии фольклорно-мифологических сюжетов, образов и мотивов. Выбор творчества этих авторов неслучаен: они оба двуязычны, пишут на шорском и русском языках, занимаются научным исследованием родного художественного слова, имеют глубокие корни в шорской культуре, оба участвовали в публикации Библии на шорском языке.

Оговоримся, что национальное своеобразие словесного творчества этноса – актуальный вопрос современной филологии. С 1990-х гг. в трудах ученых поднимается вопрос о необходимости развития этнопоэтики, науки, призванной изучать национальное своеобразие литератур, например в трудах В. Н. Захарова [9], В. М. Гацака [5], Гачева Г. Д. [6], У. Б. Далгат [8], К. К. Султанова [19], С. Ж. Балданова, Б. Б. Бадмаева, Г. Ц.-Д. Буянтуевой [4] и др. Во многих работах, направленных на выявление этнопоэтики, категории национального, специфики духовных ценностей того или иного народа, компонентов семантики языкового концепта или культурной памяти [12; 18], по сути, речь идет именно о выявлении специфики национального образа мира. Так, определяющим для этнопоэтики фактором является фольклоризм – ориентация писателей на этнопоэтику и жанры устной народной словесности, а также включение в текст литературного произведения отдельных элементов фольклора. Для каждого народа характерен свой образ мира, свой взгляд на мир и отображение мира в словесном творчестве. Фольклорно-мифологические образы и мотивы, выражающие представления народа о своем мире, активно используются и в творчестве шорских писателей. Наиболее примечательно, на наш взгляд, в свете заявленной проблематики творчество Г. В. Косточакова и Л. Н. Арбачаковой.

Г. В. Косточаков и Л. Н. Арбачакова по роду профессиональной деятельности – исследователи-филологи. Г. Косточаков, имея специальность горного мастера после окончания Междуреченского горно-строительного техникума, пришел на филологический факультет Кемеровского университета. Л. Арбачакова окончила лесной техникум, а позже училась на шорском отделении Новокузнецкого государственного педагогического института. Судьбу этих двух молодых талантливых людей изменила встреча с Андреем Ильичем Чудояковым (1928-1994), выдающимся шорским ученым и общественным деятелем. Косточаков переехал в Новокузнецк и стал преподавать на кафедре шорского языка и литературы Новокузнецкого педагогического института (ныне Кузбасская государственная педагогическая академия). Именно Чудояков повлиял на то, чтобы Г. Косточаков и Л. Арбачакова занялись филологией. Исследователь шорского языка, фольклора и культуры народа в целом передал свою любовь к слову и своим ученикам. Г. Косточаков и Л. Арбачакова являются филологами в широком смысле слова: они – языковеды, фольклористы, литературоведы, переводчики и поэты.

Приступая к описанию национального образа мира шорцев в произведениях Г. Косточакова и Л. Арбачаковой, отметим, что нами были выделены наиболее часто повторяющиеся слова или концепты, образы и мотивы, служащие определенным ключом к пониманию шорской культуры. Многими исследователями признано, что концептосферы разных народов могут иметь немало общего, однако в каждой национальной культуре есть неповторимые концепты, уникальный их набор. Д. С. Лихачев отмечал, что язык нации является сам по себе «сжатым алгебраическим выражением всей культуры нации», а язык «в потенциальной форме его концептов – воплощение всей культуры народа» [17]. Подобное понимание концепта позволяет нам использовать его и при литературоведческом анализе текста. Также известный ученый Лихачев отмечал, что «особое значение в создании концептосферы принадлежит писателям (особенно поэтам). Носителям фольклора, отдельным профессиям и сословиям (особенно крестьянству)» [Там же].

С. В. Шешунова полагает, что «если “культурная память”, возводящая к “системе духовных ценностей”, есть у языковых единиц, то она должна присутствовать и в художественных текстах, из этих единиц состоящих» [20, с. 17]. Формы отображения в литературе национально значимых культурных концептов заслуживают особого внимания, такого же, как сквозные мотивы языковой картины мира.

Наиболее часто встречающимися ключевыми словами в произведениях Геннадия Косточакова и Любови Арбачаковой и передающими специфику этнокультуры и образа мира шорцев, в первую очередь, являются константы, выражающие пространственные представления народа. Это *чер-суг* ‘земля-вода’, ‘родина’, *туган чер* ‘родная земля’, ‘Отечество’, *Кудай чери* ‘Божья земля’, *туган суг* ‘родная вода’, *эм* ‘дом’, *тайга* ‘тайга’, *чыш тайга* ‘глухая тайга’, *таг* ‘гора’, *күн* ‘солнце’, *тегри* ‘небо’, *кузук агажы* ‘кедр’, *шабал* ‘хвоя’, *пай қазың* ‘священная береза’, *қуш* ‘птица’, *қакқуқ, көк* ‘кукушка’, *қарлыгаиш* ‘ласточка’, а также выражающие специфику этнокультуры: *қам* ‘шаман’, *қут* ‘душа’, *Кудай* ‘Бог’, *Эрлик* (имя подземного владыки), *ұзүттер* ‘черти’, ‘служители Эрлика’, *шачақ* (кропление вином, молоком). Также важными концептами для художественной культуры шорцев в XX веке стали концепты, связанные с христианством (крест, Христос).

Художественный образ «своего» пространства лирического героя Косточакова связан с *чер-суг*, *туган чер*, *туган суг*, *эм*, *чыш тайга*, *таг*, *күн*, *кузук агажы*, *шабал*, *пай қазың*. Земля и вода как важнейшие элементы пространственной организации являются фундаментальными и универсальными составляющими для всех мифологических моделей космоса. В шорской литературе на примере творчества Г. Косточакова и Л. Арбачаковой можно сказать, что эти элементы наиболее часто получают реализацию в произведениях, посвященных теме родной природы, родины, дома – одним словом, в рамках отображения «своего» пространства. Горная Шория – край суровой таежной красоты, непроходимой тайги (*чыш*) – родной дом для шорца. Шорские поэты воспевают первозданную красоту тайги, ее снежных хребтов, быстрых горных рек. Природа родного края в стихах Г. Косточакова тесно связана с темой народа, его судьбой. Так, поэт болезненно воспринимает истребление тайги, соотносит ее с судьбой шорцев: народ исчезает, словно вырубленная тайга, после чего реки измелъчали, а рыба вывелась.

Кайаға парарға: меең эбре – тағларым.
Ажарға? – ной-пардылар азақтарым.
Паштап мен тағларымны пүдүрдим,
Анаң чы муң чыл ларды аш көрдим.
Пир ажығды штедим, қайда ол – ундудыбыстым.
Аны тилеп, чарығым үчүрибистим.
Ам тайыс суғдың қажында одурчам,
Осқай-палықты аңнап көр, чатчам [16, с. 36].

Куда мне идти? Я в петлю гор угодил.
Чтобы их пересечь – мне уже не хватает сил.
Сначала я горы вокруг себя воздвигал,
Потом безуспешно лез, срываясь со скал.
В горах я себе оставил, конечно, один проход,
Но только где он – забыл, и он – к себе зовет.
Поэтому на берегу своей мелкой реки
Пытаюсь поймать осетра, а клюют одни лишь –
мальки [Там же, с. 37].

Образ горы – один из самых значимых образов в традиционном сознании шорцев, это один из важнейших в пространственном представлении народа объектов окружающего мира, входит в ряд священных. В поэзии Г. Косточакова горное пространство связано с особым восприятием мира. Здесь выражена не только особая любовь лирического героя к ним, но и он порой ощущает себя частицей гор: *Қайран ала тағларым! / Мен силердің парасқан тажы. / Меени өттіре өсча ағажық, / Ол – силердең үчүн сағыжым* [13, с. 17]. / ‘Дорогие мои родные горы! / Я ваш маленький камень, / Сквозь меня растет дерево, / Это о вас мои мысли’ (подстрочный перевод автора статьи. – Н. М.).

Природный образ гор, их величавость передают переживания поэта достаточно ярко: он гордится ими, а горы, в свою очередь, вдохновляют его:

Нет выше гор, чем горы Родины,
От них полвзмаха до луны!
Они, как чувства пережитые, –
Очарования полны!
На них, укрывшись хвойной чащей,
Дома – как гнезда на стволах,

Вода, бурунами кричащая,
Прозрачна, пениста, светла!
Нет лучше гор, чем горы Родины,
В них даже камень – как цветок!
Простые краски там дополнены
Тем, что пришло и мило что [16, с. 109]...

Развивающиеся все больше новые шахты по добыче угля разрушают горы и тайгу – традиционное местожителство шорца. В деревнях остается все меньше людей, дома пустеют, лес редет, и отсюда у поэта ощущение, что народ «разбрелся в полдень как туман» [Там же, с. 15]. Особенно это чувство усиливается во время пребывания в родной деревне:

Ол қайда – меең олған черлерим?!
Арығ пүгүм, қаш пажым, чоллар?!
Том ол чанынан, үн пербен, пеере
Шала тас пол, көрча чыш тағлар.
Ол қайда – мен өскен абам эмим?!
Эжик-алым, кредем, мылчам?!
Тозуннуғ ла тумай шалғын кемис,
Қараңат ла ылғап көрча [Там же, с. 29-30].

Где мои те детали детства:
Поляна, наш берег, курья?
Пустыри, Томь, за нею виднеется
Югус плешивый, как я.
Где он – мой дом отцовский?
На месте я встретил пустом
Буйной травы и засохшей
Спутанный горький ком [Там же, с. 30-31].

Встреча с родной землей и радуется, и печалит, глаз радуется лугам и полям детства, реке Томь и горе Югус (туған чер, туған суғ), лирический герой, стоя посреди родной деревни, целует родную землю. Для обозначения родной земли автор в этом случае использует слова чер ‘земля’, черим ‘земля моя’, туған чер ‘родная земля’, а также слово тобырақ, что значит ‘земля’, ‘почва’, ‘грунт’, т.е. то, что плодоносит, на чем можно строить и на что можно опираться. Вместе с той радостью встречи он видит пустые, плачущие окна, здесь много народу уже ушло в мир иной:

Мени тилеп ле мында сақтап чөрча
Теминде узатпан үзүтгер,
Ағаштар ла, шала қуруғ өсчең,
Ылғап көрчең ле эн-көзнектер [Там же, с. 30].

Здесь ожидают меня лишь души тех,
Кого я в свое время не хоронил,
И только засохшие деревья,
И лишь плачущие пустые окна
(подстрочный перевод автора статьи. – Н. М.)¹.

В сознании шорца *чер-суғ* ‘родина’ (букв. ‘земля-вода’) – это не только определенная территория земли и воды, но и сама атмосфера бытия, где сходятся прошлое, настоящее и будущее:

Родина – это россыпь
Трелей, травы, ароматов!
Вся эта рясная роскошь
Душе твоей радостной внятна!

Родина – это раскаты
Грома и дум, пусть – поздних,
О невозвратных утратах,
О канувших в сумрак звездах...

¹ Здесь представлен мой подстрочный перевод с целью передачи точного смысла. Г. Косточаковым сделан поэтический перевод: *На меня здесь нахлынули души / Тех, что – не хоронил, И – шепот деревьев обрюзгих, И дыхание всех, кто здесь – был.*

Родина – это росчерк
 Всполохов воспоминаний
 На склонах, где новые росы,
 У ив, где иные свиданья...

Родина – это раздолье
 За домом, которого нету...
 Рай, породненный с болью,
 И боль, пронзенная светом [Там же, с. 98]!

Поэт призывает вместе с весенним днем, с потеплением, с пробуждением природы проснуться и народу: *Чер-суз чилеп, қалығым усқан келзин* [13, с. 14]! / Как родная земля, пусть проснется мой народ (подстрочный перевод автора статьи. – Н. М.).

Тема родного языка, народа и образ родной земли-воды *чер-суз* тесно связаны между собой. Также в число основополагающих архетипических образов входит эм 'дом'. В поэзии Косточакова наблюдается использование оборотной стороны мифологемы *дом* как феномена бездомности лирического героя, народа: *Где он – мой дом отцовский* [Там же, с. 31]?!; *Родина – это раздолье / За домом, которого нету* [Там же, с. 98]; *Прохожу по Отчизне распятой – / Как в безлюдье на крест восхожу: / Все разбито, унижено, смято, / Как родня обнялись – жизнь и жуть* [Там же, с. 104]; *Исчезло все, уж ничего не надо. / Нет ни восторга, ни тоски, ни слез* [Там же, с. 125].

В поэзии Л. Арбачаковой эм 'дом', *чурт* 'жилище' соотносятся с родной землей, святой землей, и наряду с воспеванием ее образа звучит мотив потери райской земли, который семантически близок к мотиву *истощения, вымирания, увядания*:

Я родилась на шорской святой земле.
 Счастливая тишина стояла у нас в селе.
 А мама в моих глазах была – как Богиня-мать,
 И в доме во всех углах – светлая благодать.
 Синие небеса тогда надо мной блистали,
 Под сенью родных небес подснежники расцветали.
 Но черная мгла обложила
 И небеса, и село.
 И все, чем я дорожила,
 Колючей травой заросло [1, с. 46].

Крапива, конопля, колючая трава, в сознании человека воспринимаемые как вечные спутники запустения, заброшенности, одичания, вызывают у лирического героя чувство тоски, скорби:

Туган черим – Тағлығ Шор,	Земля, где родилась – Горная Шорская,
Чатқан чуртым – ырыстығ чурт.	Чурт, в котором росла, был счастливый чурт,
Туган ичем – Қудайдығ иче.	А мама, меня сотворившая, – Богиня-мать,
Чатқан үгем – чарық үге.	Дом, в котором жила, был светлый дом.
Туган черимдек – ақ чачықтар.	Небо там надо мной было синим,
Чатқан черимде – көк тегри.	Под небом моим родным расцвели подснежники.
Туган черимге пұўн	Сегодня шорское небо
Қара тубан чайыл партыр.	Черным туманом заволочло,
Чатқан черимге пұўн	Сегодня все, что мне дорого,
Көк шалғынақ өс партыр [2, с. 12].	Жгучей крапивой заросло [Там же, с. 13]...

Заросшие в родной дом пути-дороги усиливают окраску душевного состояния лирического героя Л. Арбачаковой. Здесь и безвозвратно ушедшее время, и изменившееся, ставшее чуждым, пространство.

В сборнике Л. Арбачаковой «Онзас черим» («Тернии души» – название в авторском переводе, буквально – «Земля моя – Онзас») в первый раздел – «Месяц черлерим – улуғ черлер!» («Моя земля – великая земля!») – вошли стихи, посвященные теме родной земли, дома, детства. С образом дома, родной земли Л. Арбачакова непосредственно связывает детские воспоминания: спустя годы сладким кажется запах трубки «старой соседки-шаманки» [1, с. 9]. Здесь ключевыми образами выступают также *туган чер* 'родимая земля', *чер-суз* 'родина', *тағ* 'гора', *суз* 'вода', *пай қазың* 'священная береза', *тегри* 'небо', *ақ тубан* 'белый туман', *қара тубан* 'черный туман', *қайчы* 'сказитель'. В стихотворении «Моя земля – великая земля!» поэт выражает свое восхищение величавостью гор в родных местах, вершиной Тегри-Тиш (Поднебесные зубья), священной горы Мустаг, где лежат вечные снега, цветут разные травы и цветы, где нет места мрачным мыслям, у подножья журчит животворный ручей, и, как и в эпосе, утверждается: *Тегри-Тиш тайганың төзінде, / По чашка үзүлбес / Шор-қалығым турча* [2, с. 12]. / 'У подножья тех поднебесных гор / Бессмертный / Шорский народ живет' [Там же, с. 13].

В поэтических произведениях Л. Арбачаковой представлены основные объекты «своего» пространства: *чер* 'земля', *көк тегри* 'синее небо', *суз* 'вода', *тағ* 'гора', *тайга* 'тайга'. Также атрибутами родной земли у Л. Арбачаковой являются величавые белые горные вершины, подпирающие небо, а также – священная береза. Поэтесса ее называет *оберегающей Шорию, белоствольной березой Ульген-хана* (высшее божество у шорцев и хакасов), но и здесь имеет место мотив потери райской земли: *Пир ле ачығ – Шор черинде / Қазың қалық-чонга / Керек чох пол парды! / Пир ле ачығ – Шор черинде / Қазың шор қамға / Керек чоқ пол парды* [Там же, с. 14]! / 'Вот только в родной Шории / Она своему народу / Уж не нужна. / Увы, и шамана

нет, / Ветка священной березы / Ему не нужна' [Там же, с. 15]. С утратой сакральных объектов уходят вековые традиции, и тяжело осознавать безвозвратно утерянное свое, родное. Вместе со священной березой *падает* и могучий кедр:

Меең алымға турған кузук-ағаш ушпарды. Ноо қыйал?! Теп, шөчүпкел, қорукпардым? Ол меең туған черим қаарыпчаттыр. Онзас черим узурға санапчаттыр [Там же, с. 18].	Передо мной столетний кедр, застонав, рухнул. Земля содрогнулась, Я вздрогнула... Видно, родная земля дряхлеет, К вечному сну Анзасс-чурт отходит [Там же, с. 19].
---	---

В поэзии Г. Косточакова и Л. Арбачаковой часто встречается космогонический образ мирового дерева, восходящего, по традиционному представлению шорского народа, к священной березе, а также имеющего связь с образом конкретного дерева – кедра сибирского. Именно образ кедра (*кузук ағажы*) в стихотворениях Косточакова символизирует образ родной земли и соотносится с архетипом мирового дерева. А также с хвоей (*шабал*), символизирующей вечность (вечнозеленая хвоя). В сознании человека тайги, т.е. шорца, кедр, сосна, пихта, ель и другие вечнозеленые деревья не меняют свой облик веками, поэтому и *вечнозеленые*, что закономерно. Отсюда – образ «несохнувшего сада» – памяти. И если желтеют их ветки, дерево высыхает, опадают его листья-иглы, это связано с нарушением миропорядка. В поэзии Г. Косточакова пожелтевшие, высохшие или сломленные ветки являются символом рушащейся жизни родного народа, замолкающей шорской речи. В стихотворении «Ветка родимого кедра», написанном на русском языке, лирический герой соотносит себя со сломанной веткой кедра:

Ветка родимого кедра Упала на плечи мои. От человека иль ветра? – Не знаю – не видно с земли. Совсем не сухая ветка: Шишки сгрудились на ней. От Бога иль человека? Привет или проклятье мне?	Мне в жизни и горе знакомо – С веткой в руке стою. Поставлю в вазу обломок, Заботой его обовью. Ведь сам я той ветке как ровня – И мне б пережить свою ночь! Мы оба остались без корня, Никто нам не сможет помочь [16, с. 96].
--	--

Здесь и в других стихотворениях Косточакова находит применение мотив *истощения, вымирания, увядания*:

Күскү – таштында, иштимде – соок-сереен. Туған черимде – пүр түжерге пелен. Өлер алында чазан чөрча ағаш. Шабаллығ ағаш тың пол парды ас [Там же, с. 48]...	На улице – осень, в душе – неуют. На Родине листья вот-вот опадут. Перед смертью они все наряды одели. Деревья же хвойные – так поредели [Там же, с. 49].
--	--

Кедр называет он своим братом: *Ос, меең қарындажым* [13, с. 18]! / 'Расти, мой брат!'; *Алып меең шабаллығ, / Тур, тадар ағаш* [Там же]! / 'Богатырь мой с хвоей, / Стой, дерево тадар' (подстрочный перевод автора статьи. – Н. М.); здесь *тадар* – одно из самоназваний шорцев. Печалюсь о кедре и судьбе родного народа, поэт восклицает: *Если б сердце мое не болело / Болью падающего кедра, / Болью родины осиротелой, / И тоской одичалого ветра* [16, с. 94].

Картина вырубающегося, «падающего» или горящего кедра, как дерева могучего, с сильными и крепкими корнями, ассоциируется с разрушением чего-то векового, здесь – с уходом традиций, обычаев, языка, исчезновением шорских деревень. Мотив *истощения, вымирания, увядания* довольно частотен у Косточакова и порой связан не только с темой родины, народа, дома («Село мое Сыркаш», «Я – как народ и семья», «Песня вороны», «Священная береза», «Пожалейте», «Родина для меня», «Иное» и др.), родного языка («Я последний шорский поэт», «Родной язык», «Лишь однажды шорская песня. Памяти А. Тунекова» и др.), но и любви («Ты – потеря моя невозвратная», «Куда мне деться...», «Скоро вернусь, сказала» и др.), а также темы дружбы – в стихотворениях, посвященных рано ушедшим друзьям («Исход. Памяти С. Тудигешева», «Памяти Лены Башевой», «Памяти В. Каучакова»).

Данный мотив передан также через образ *родного* дерева – священной березы (*най қазың*), через ее опадающие листья:

Қудайдың черин пазоқ тутты Шалықчығанын улуғ ағрыйы. Мен чағыс қалған пүрү ошқашпын, Маға: түш, теп, чер чалғанча.	Вновь охватил божественное мирозданье Тяжелый недуг увяданья; Я – как последний лист – не упавший, Упал бы – не страшно. Упал бы ради листьев младенческих, Хоть и желанье такое – душу не жмет. Я уступил бы место другим, конечно, Только древо родное Больше не зацветет [Там же, с. 67].
Наа пүрлер үчүн түш көрейин, Түжерге да көңнүм чоқта. Наа пүрлерге чер перер эдим, Туған ағажым тезе паза пүрленмес [Там же, с. 66].	

Родное дерево – *пай қазың* ‘священная береза’ – также имеет черты мирового дерева. Сила жизни и духа народа, его познания мира заключены в мировом дереве. Поэт Косточаков, чувствуя истощение жизненных сил народа, заключает: *Пай қазың қур-нарды пайоқ / Пайоқ шачығ сөзү эрткен!.. Пулут соонда наа пулудоқ / Күнни туданча. О, Ылген* [Там же, с. 14]! / ‘Священная береза высохла, / И голос шаманский умолк! / Без веры, без духа, без вымысла / Оставил нас брошенный Бог!’ [Там же].

В этих строках поэт передает свое ощущение нарушения гармонии жизни. *Пай қазың* или *алтын қазың* ‘золотая береза’, как и *Байтерек* ‘священный тополь’, в качестве мирового дерева у многих тюркских народов мира выступает одним из важных объектов солнечного мира. В эпосе шорцев и родственных народов, например хакасов, золотая береза вырастает внезапно и так же внезапно исчезает после того, как на ней сплуют золотые кукушки, сообщая или предвещая что-либо. Золотая береза вырастает до небес – что символизирует связь всех миров: подземного, солнечного (срединного) и верхнего. Кукушка и другие птицы (порой просто *пестрая птица*) в эпосе хакасов и шорцев являются священными существами, порой по веткам золотого дерева спускаются вниз (это божественные существа приходят на помощь людям). В некоторых эпических произведениях они своим пением оживляют богатырей, а совершенно безгрешные представители солнечного мира превращаются в птиц. В некоторых сказаниях пение кукушки оживляет все вокруг (начинают течь высохшие реки, на высохших деревьях пробиваются листья), возвращает память герою, заколдованному представителями подземного мира. У Г. Косточакова образ кукушки (*көбк*) связан с традиционным мотивом – чудесного пения птицы: *Алтын көбк, ныбақтаң келген қуш, / Қыс туңмазы сен – Қудайдың. / Күн тооза саға көзлерге қуш, / Көзлеп айтқаң сен – көп эбестең* [Там же, с. 68]. / ‘Золотая кукушка, царица сказочных птиц, / Ты – младшая сестренка Бога, / Целый день тебе петь по рангу – претит, / Ты емко призвана петь и – немного’ [Там же, с. 69].

Мотив чудесного пения кукушки поэт использует в стихотворении, посвященном теме родного народа и языка. Как и в национальном фольклоре, кукушка с ее чудесным пением призвана спасти жизнь герою-богатырю. Поэт же обращается к ней как к хранительнице родного языка – исчезающего шорского языка:

Ундутқан абалар сөбктерин
Ай-қара чыш келип, алар.
Кижилер аразында чеере
Шор тилбе – қаққуқ ла қағар
Ундутқан абалар сөбктерге [Там же, с. 12].

И могилы достойных предков
Вековая тайга погребет.
Средь потомков народа одна лишь
Мать-кукушка по-шорски споет
Над могилой достойных предков [Там же, с. 13].

Кукушка – птица вечности, она сохраняет память о временах, о народе, о его языке, и именно ей поэт наказывает и доверяет спеть на шорском языке на могиле предков тогда, когда «вихрь мятежный погребальную песню споет», когда «дочь родного отца не узнает и чуждым словом станет нравы семьи отрицать» и «когда незримый ветер разметет поколений связь», а «веру предков, язык материнский молодые оставят, стыдятся» [Там же].

В творчестве Л. Арбачаковой к образу птиц особенное отношение как в стихах, так и в изобразительном искусстве. Птицы занимают одно из ключевых мест в ее творчестве. Например, ласточка: *Ласточка, птица небесная, / улетай, прошу, и прощай! / даже мыслям моим за тобой не угнаться* [1, с. 18]. Ласточка в христианской символике имеет значение жажды духовной пищи, а в творчестве Л. Арбачаковой христианские мотивы играют не менее важную роль, чем фольклорно-мифологические. Также у Г. Косточакова появляется образ «распятой» Отчизны, «восхождения на крест» [16, с. 104], «образ Христа и Петра в душе» [Там же, с. 99], у Арбачаковой – «печальный лик Божьей матери» [1, с. 46] и др.

Птицы всегда связаны с небом, небесным, божественным. Птицы у шорской поэтессы Арбачаковой – посланники Верховного божества Ульгена: *В мое окно неожиданно / Влетела птица Ульгена – / Видно, с небес от мамы / Восточку мне принесла* [Там же, с. 21]...

Мотив пения золотой кукушки у Арбачаковой также соответствует моменту счастья («Алтын көбк көглекча...») («Золотая кукушка поет...»), («Алтын көбк үннери...») («Голоса золотой кукушки») и др.).

Пению кукушки у Г. Косточакова противопоставляется карканье ворона. Его крик предвещает несчастье, боль, утрату, особенно выразителен образ ворона, сидящего на высохшей священной березе. В стихотворении Косточакова «Песня вороны» ворон с макушки высохшей священной березы «проклятье шлет», от его карканья «хвоя сыплется», «трава ложится», «ручей замирает» [16, с. 19].

Осознание безвозвратной потери красоты и глубины родной речи, вековых традиций народа вызывает невыносимую душевную боль и в какой-то мере даже отчаяние. Мотив *истощения, вымирания, увядания* в сборнике «Я – последний шорский поэт» звучит особенно выразительно, слова поэта звучат, как реквием, не оставляя никого равнодушным. С этими словами поэт, прежде всего, обращается к своим соотечественникам, ибо и от них зависит судьба языка и самого народа:

Мен қалғанчы шор кер-сөсчи!
Шабаллар күскүде түжер.
Чайғыда – чел қарлығ, шалчығ
Өлүм сарынын сооқ көглер.
Мен қалғанчы шор кер-сөсчи!..

Я – последний шорский поэт!
Кедр осенью опадет,
Летом снег упадет, вихрь мятежный
Погребальную песню споет...
Я последний шорский поэт.

Ол қуйуннаң шығарбыс пашка:
Қыс – абазын пирда таныбас,

Из-под вихря совсем другими Выйдем мы:
дочь родного отца

Таңзынар – апшыйдың чозаққа,
Ноо айтқаны күртуй – уңнабас!
Ол куйуннаң шығарбыс пашка.

Ол темде көрүнмес сооқ салғын
Писти палларыбыспа чарылар.
Шор чозағын, тадар тилин
Чаш кижі, улук көблен, – таштар!
Пожадар – көрүнмес сооқ салғын...

Чиі, салғын, сөстеримни, – чиі!
Чолбыс чоқ парарға қарчы!
Тилибисти тиридерге күш чоқ!

Мен қалғанчы шор кер-сөсчи,
Қалық сыыды – ол сарынымоқ,
Сарыным – ол кунаныш сыыдоқ.
Чиі, салғын, сөстеримни, чиі [Там же, с. 12]!

Не узнает и чуждым словом
Станет нравы семьи отрицать.
Из-под вихря мы выйдем – другими.

И тогда уж незримый ветер
Разметет поколений связь.
Веру предков, язык материнский
Молодые оставят, стыдятся.
Нас порушит незримый ветер...

Ешь слова мои, ветер, глотай!
Бубен брошен, отринут Кудаи,
Возродить язык сил уж нет!

Я – последний шорский поэт!
Каждый стих мой – как причитанье:
Полон веры и полон страданья!
Ешь слова мои, ветер, глотай [Там же, с. 13]!

Поэт выражает не только свою боль и страдания и говорит от имени всего своего поколения, обращаясь ко всем шорцам, но и стремится вызвать эту боль у соотечественников, призывая понять всю сложность ситуации с родным языком, так как утеряна поколенная передача языка и традиций. В другом стихотворении Г. Косточаков родной язык соотносит с ключевыми элементами культуры народа, тем самым достигая наибольшего эффекта: *Туған тилим, талған тилим, / Аңчы тилим, қайчы тилим, / Қай преде – сарын, қай преде – қыйғы, / Сени апарыбыспазын салғын! / Абалар тилим, қалба тилим, / Пежик тилим, шалчығ тилим, / Сен по чашка уқул, по чашка сарна! / Сени қап полбазын айна* [Там же, с. 10]! / 'Родной язык мой, язык тайги, / Охотников речь, сказаний напев, / Язык грустных песен и буйной тоски, / Не оборви – свое сердце и нерв! / Язык славных предков, язык калбы, / Язык колыбели, язык-великан. / Да минет тебя чаша горькой судьбы! / Да минет дьявола – лесьть и капкан!' [Там же, с. 11]. Здесь автор для передачи глубины значимости родного языка использует такие слова-элементы национальной культуры, как *талкан* (национальное блюдо), *калба* (черемша, одно из главных растений, собираемых шорцами весной в тайге), *кайчы* – сказитель, *шачығ* – обряд кормления духов посредством кропления молочного вина или молока. Все это глубоко значимо для каждого представителя шорской культуры.

Есть среди картин Л. Арбачаковой целая серия, посвященная библейским мотивам («Рождение», «Мадонна», «Шорская Мадонна» и др.). Также ею иллюстрирована книга для детей на шорском языке «Рассказы об Иисусе Христе» [10].

Вороны и сороки – вечные спутники человека: *Часқы чолымда / Тоғаш парған қарға. / Ырыс маға арбанча, / Эркемни маға ыстырча* [2, с. 92]. / 'На моей весенней дороге / Повстречалась мне, влюбленной, ворона. / Счастье она мне ворожила, / Любимого мне сулила' [Там же, с. 93]. Мотив чудесного пения птицы известен в мифологии многих народов мира. Например, волшебное пение жар-птицы исцеляет больных и дарит зрение слепым. Весеннее пение птиц извещает об обновлении природы, рождении любви: *Часқы қушчақтар, / қайдығ слердің чараи ұн! / Көбленчин темнер келген полған полар* [Там же, с. 92]! / 'Весенние птицы, / как сладостны ваши песни, / Трепет прихода любви / в ваших звучит голосах!' [Там же, с. 93].

На холсте Л. Арбачакова в большом количестве изображает птиц. Об этом следует более подробно сказать, так как изобразительное искусство, являясь одним из древних форм искусства, так же как и художественное слово, способно воспроизводить не только облик реальности, но и ее сущность. Так, художник рисует то, что он считает важным, и то, что запечатлелось в его сознании, отложилось зрительно и «легло» в душу, что представляет интерес для его культурного опыта, знаний, а также для его мировосприятия, сформированного в определенной среде и атмосфере. В этом плане он не отличается от писателя, чей национальный образ мира формируется в глубокой зависимости от родной культуры. Поэтому на примере картин Л. Арбачаковой можем судить о том, что образы, мотивы и сюжеты ее поэзии повторяются и на холсте. Порой картины избилуют теми фольклорно-мифологическими образами, которые имеют место в ее художественном слове. Записывая и исследуя фольклор и мифологию родного народа, Л. Арбачакова глубоко проникается этими образами, они оказали сильное влияние на ее художественное сознание. Поэтому картины из серии «Алыптың ныбақ» («Героическое сказание») избилуют образами и целыми сюжетами эпоса («Кара Мюкю», «Подземный алып», «На вершине золотой горы», «Вороны клевали глаза» и др.).

Особо любимыми являются образы вороны, кукушки, глухаря, тетерева и других птиц. Птицы изображены на большинстве ее картин. Они составляют важнейшую часть многих картин («Первые шаги», «Голоса золотых кукушек», серия «Охотники», «В сумерках», «Древний аал», «Сладкая черемуха», «Посиделки», «Друзья», «Собрание», «Срочное письмо» и др.). Птицы оказываются вечными спутниками таежного человека, они изображены как чудесные птицы-духи не только шамана, но они выступают как творцы. Одни устремлены ввысь, другие ходят по земле, садятся на рога маралов и оленей, третьи находят место рядом с лягушками – представителями подземного мира. Птицы у Арбачаковой зачастую являются центральными образами («Собрание», «Обед», «Прогулка» и др.), но иногда они дополняют мир людей – разноцветные, яркие и невзрачные, большие и маленькие. Птица в культуре шорского народа символизирует божество, создателя

(птица Ульгена). На картинах Арбачаковой птицы смотрят на людей, наблюдают за ними, они – сверхъестественные помощники земных людей. Так, на картине «Суженая» изображена священная береза, под которой лежит богатырь, а над ним наклонилась птица-дева – золотая кукушка. Птица представляет женское начало: снесенное яйцо несет в себе символ Мирового яйца, из которого родился мир. Примечательна в этом плане картина Л. Арбачаковой «Если богатыри, то сражаться выходите», где в центре изображено дерево ветками вверх (чаще у Арбачаковой ветки изображены «елочками»), на дереве – два больших яйца, здесь как бы сливаются образы мирового дерева и мирового яйца, символизирующие начало жизни. Две птицы с длинными красивыми хвостами – одна сидит на заборе, вторая летит над богатырями двух враждующих лагерей. У каждой птицы внутри изображено по яйцу, и повсюду катятся синеватые яйца, как снег, местами еле заметные. Подобное изображение яйца символизирует рождение мира, дома. А люди изображены в своих жилищах-шалашах, словно в панцире (защищенность от внешнего воздействия). В шорских героических сказаниях имеется образ мирового яйца. Богатырь свою суженую превращает в золотое яйцо, кладет себе в карман, чтобы, преодолев трудный путь, доставить ее на свою землю, что символизирует начало новой жизни.

Другим обязательным атрибутом своего пространства у Л. Арбачаковой являются солнце, дом (традиционное жилище шорцев – деревянный шалаш), деревья, горы, изображаемые особенно часто. Пожалуй, нет ни одной картины без солнца, птиц и жилища. Также художница в одном сюжете, на одной картине изображает несколько солнц. Так, на картине «Мое детство» изображено четыре солнца, в сюжете «Гой» – два солнца, в «Обходе владений» – четыре солнца и т.д. Издревле тюркские народы Сибири, в том числе и шорцы, поклонялись солнцу. Ритуально-мифологические представления народа, таким образом, получили отражение и в изобразительном искусстве.

Образ мирового дерева – кедра и священной березы, – воспеваемый и Г. Косточаковым, и Л. Арбачаковой в поэзии, широко используется и в изобразительном искусстве. Арбачакова чаще изображает много деревьев – хвойный лес. Порой он схематичен, но даже в таком варианте это говорит о моделировании образа национального пространства. Деревья и другие представители растительного мира, например *кандыки* и *калба* ‘черемша’, кедровые орехи, действительно ставшие спасительными для шорцев в голодные годы, несут в себе смысл жизненной силы, плодородия. Картина Л. Арбачаковой «Кандыки» является портретом этого чудесного растения, сыгравшую столь важную роль в жизни не только шорца, но и всех таежных жителей Сибири.

В творчестве Г. Косточакова и Л. Арбачаковой важное место отводится образам *қайчы* ‘сказителя’ и *қама* ‘шамана’, которые являются неотъемлемой частью традиционной культуры народа. Здесь особенно часто звучит мотив *истощения, вымирания, увядания*. У Арбачаковой: *Тадар қай Ээзи үзүлча, / Керек кижилерин тап полбаан. / Тадар черлердең ол теш парча. / Писке, тил чоқ кижилерге, ноо сарнарға* [Там же, с. 24]?! / ‘Обрываются звуки кая, / идущие из веков, / Нет голоса молодого, / что мог бы кай подхватить. / Дух знаменитого шорского кая / Навсегда оставляет наши края. / Замолкает кай, / замолкает шорский язык – / Невозможно им / жить друг без друга’ [Там же, с. 25].

В поэзии Г. Косточакова и Л. Арбачаковой образное представление о времени народа проявляется меньше. Так, время – быстротекучее, невозвратное. Косточаков время тесно связывает с образом ветра: *салғын, чел* ‘ветер’, *қуйун* ‘вихрь’ выражаются через категорию времени – с ветром связаны перемены в жизни народа. Поредившая шорская речь и исчезающие деревни как бы «унесены» холодным незримым ветром: *Вихрь мятежный погребальную песню поет; Из-под вихря совсем другими выйдем мы; Незримый ветер разметет поколений связь* [16, с. 13].

Быстрота времени также находит соотношение с образом текущей воды у Арбачаковой: *Сеең үге алнында чүгүрчин / Сугба чоқтазар эткеним, / Қайдыг қапчы ол чүгүрча* [2, с. 48]. / ‘Перед домом твоим текущей рекой / Хотела говорить, / Как быстро она течет, мчится’ (подстрочный перевод автора статьи. – Н. М.); *Сквозь туман на реке Мрассу / Конь белогривый мчится* [3, с. 26]. В этой же текущей воде она видит вечность времен: *Туған Онзаямга келгеним, / Туған үгем сайылчаттар, / Суг ле аққаныба ақчаттыр* [2, с. 16]. / ‘Когда пришла в родимый Анзас, / Оказывается, дом родной разрушается, / Только вода бежит и бежит’ (подстрочный перевод автора статьи. – Н. М.).

В образе пространства в представлении шорского народа *суг* ‘вода’, ‘река’ также играет важную роль. В эпосе *талай суг* ‘река-море’ – одна из важнейших частей своего пространства. В эпосе ханы-богатыри выходят к белому морю, умываются белой пеной, мылом с лошадиную голову или просто водой, обретая при этом силу и молодость. Вода имеет очистительную силу. В шорском эпосе имянаречение богатырей часто происходит на берегу великой реки-моря. Порой на дне белого моря богатырь находит своего богатырского коня. Образ родной реки (*туған суг*) у Косточакова соотносится с рекой Томь, на берегу которой родился и вырос сам поэт, и это значит, что речь идет не только об образе реки как таковой, здесь подразумевается сама историческая жизнь народа, частью которого является отдельный человек, в частности и лирический герой Косточакова. С образом реки у Косточакова часто соотносится сама история, вечность времен:

Қайран Томым! Туған суғым!
 Мен пу чарыққа келгемде сен – ақтың.
 Мең тын полбас тыным шығарда сен – ағарзың.
 Қайран абыр Томым!
 Туған арығ суғым [13, с. 72]!

Дорогая Томь! Родная река!
 Когда я пришел на этот свет, ты – текла.
 И когда я не смогу уже дышать, ты – будешь течь.
 Дорогая тихая Томь [моя]!
 Чистая родная река [моя]
 (подстрочный перевод автора статьи. – Н. М.)!

Народ, на протяжении столетий живший в ладу с природой-матерью, в своей крови имеет чувство гармонии с природой. В выражении поэтом своих чувств по отношению к родной земле, будь это боль или радость, восхищение или сожаление, всегда проявляются его любовь и нежное отношение к родимой земле – *туган чер*.

Таким образом, фольклорно-мифологические и этнокультурные образы, мотивы и сюжеты, наиболее часто встречающиеся в поэзии шорских поэтов Г. В. Косточакова и Л. Н. Арбачаковой, а также в произведениях изобразительного искусства Л. Н. Арбачаковой, – *чер-суг* ‘земля-вода’, ‘родина’, *туган чер* ‘родная земля’, ‘Отечество’, *Қудай чери* ‘Божья земля’, *туган суғ* ‘родная вода’; *эм* ‘дом’; *тайга* ‘тайга’; *тағ* ‘гора’; *қузуқ ағажы* ‘кедр’; *шабал* ‘хвоя’; *пай қазың* ‘священная береза’; *қуш* ‘птица’; *қакқуқ, көөк* ‘кукушка’ и многие другие – в настоящее время продолжают выполнять функцию выражения национального образа мира народа. Эти постоянные образы являются архетипами художественного мышления и составляют художественный код национальной культуры шорцев. Современной шорской поэзии свойствен мотив *истощения, вымирания, увядания* родной природы, тайги и родного народа, а также мотив потерянной райской земли. Данный мотив возникает в конце XX века, в 1990 гг., наряду с чувством подъема национальной культуры. К шорцам приходит осознание потери родного языка, а вместе с тем и родной культуры в целом. Поэты Косточаков и Арбачакова порой намеренно, порой неосознанно обращаются к данным этнопоэтическим константам, актуализируя их в контексте сохранения родной культуры.

Список источников

1. Арбачакова Л. Н. Колыбель любви: стихи и проза. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2004. 102 с.
2. Арбачакова Л. Н. Онзас черим (Тернии души): сборник стихов. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2001. 153 с.
3. Арбачакова Л. Н. Песни шорянки: сборник стихотворений. Новосибирск: Офсет, 2011. 82 с.
4. Балданов С. Ж., Бадмаев Б. Б., Буянтуева Г. Ц.-Д. Литература народов Сибири: этнотрадиция, фольклорно-этнографический контекст. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2008. 304 с.
5. Гацак В. М. Северные этнопоэтические константы // Народная культура Русского Севера. Живая традиция: материалы республиканской школы-семинара (10-13 ноября 1998 г.) / отв. ред. Н. В. Дранникова, Ю. А. Новиков. Архангельск: Изд-во Поморского государственного университета, 2000. Вып. 2. С. 7-11.
6. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс-Культура, 1995. 479 с.
7. Гачев Г. Д. Национальные образы мира: курс лекций. М.: Академия, 1998. 432 с.
8. Далгат У. Б. Этнопоэтика в русской прозе 20-90-х гг. XX века (экскурсы). М.: ИМЛИ РАН, 2004. 212 с.
9. Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр. Петрозаводск: ПетрГУ, 1994. Вып. 1. С. 5-11.
10. Иисус Христостан үчүн чоогаштар / пер. на шорский Л. Арбачаковой. М.: Институт перевода Библии, 2012. 76 с.
11. Карябкина И. Н. Обзор понятия «концепт» в современной лингвистике и принципы выделения этических концептов // Язык. Этнос. Картина мира / под ред. М. В. Пименовой. Кемерово, 2003. Вып. 1. С. 145-152.
12. Комова Т. А. Концепты языка в контексте истории и культуры: курс лекций. М.: МАКС-Пресс, 2003. 120 с.
13. Косточаков Г. В. Ала тағларым (Высокие мои горы): стихи. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1994. 90 с.
14. Косточаков Г. В. Ветка родимого кедра: сборник стихов. Томск: Ветер, 2013. 141 с.
15. Косточаков Г. В. Желание и реальность // Арбачакова Л. Онзас черим (Тернии души): сборник стихотворений. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2001. С. 5-8.
16. Косточаков Г. В. Я – последний шорский поэт: книга стихотворений. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2003. 199 с.
17. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/lihach/koncept.pdf (дата обращения: 11.12.2017).
18. Никитина С. Е. Концепт судьбы в русском народном сознании // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 130-142.
19. Султанов К. К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. 196 с.
20. Шешунова С. В. Национальный образ мира в русской литературе: П. И. Мельников-Печерский, И. С. Шмелев, А. И. Солженицын: дисс. ... д. филол. н. Дубна, 2006. 368 с.

FUNCTIONALITY OF FOLKLORE-MYTHOLOGICAL MOTIVES AND IMAGES IN THE CREATIVITY OF L. ARBACHAKOVA AND G. KOSTOCHAKOV

Mainagasheva Nina Semenovna, Ph. D. in Philology

Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Abakan

Nina_71@inbox.ru

The article considers ethnocultural motives, images and subjects in the creative work of the Shorian poets G. V. Kostochakov and L. N. Arbachakova in order to reveal their functionality. L. Arbachakova's painting is drawn to this analysis as well. It is revealed that the most frequently used words-images, concepts in poetic works of the Shorian authors contribute to the rendering of the specificity of ethnoculture and the image of the world of the Shorians. These permanent images are the archetypes of literary thinking and constitute the literary code of the national culture of the Shorians. Along with the actualization of the archetypal images of the modern Shorian poetry, the motive of exhaustion, extinction, withering, as well as the motive of lost paradise earth, is typical.

Key words and phrases: national image of the world; G. Kostochakov; L. Arbachakova; mythology; folklore; the Shorians; poetry; image; motive.